
ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ ШЕРСТОБОЕВ: ЖИЗНЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Д. Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

ИСТОРИЯ КАК ХРАНИЛИЩЕ ОПЫТА, или ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ МЕСТНОЙ НАРОДНОЙ АГРОТЕХНИКИ

Фернан Бродель в первом томе своего фундаментального труда «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.», включившем в сферу исторического изучения повседневную материальную жизнь людей, один из параграфов главы «Хлеб насущный» посвятил ... севооборотам. Особое внимание историк обратил на процессы, получившие у него звание ни много, ни мало — «земледельческой революции», начавшейся в Европе после 1750 г. и сводившейся к широкому распространению травопольных севооборотов, заключающихся «в чередовании зерновых и кормовых культур, с длительным севооборотом, который упраздняет или существенно сокращает пары»¹.

Благодаря агрономам XVIII–начала XIX вв. за подобным порядком использования земельных угодий закрепился статус «современной» агрикультуры, освоение которой стало рассматриваться едва ли не как единственное условие прогресса, показатель уровня модернизации сельского хозяйства. Бродель, однако, назвал подобную точку зрения «фантастической ошибкой в суждениях и в оценке перспектив», которая крайне пагубно отразилась не только на сельском хозяйстве, но и на исторических сочинениях, авторы которых слепо следовали по стопам пропагандистов «современной» агрикультуры. Ошибка тех и других крылась в недооценке разнообразия природно-климатических условий, своеобразия почв, особенностей рельефа той или иной местности, а также игнорировании исторического опыта, накопленного ее населением, в стремлении прописывать для всех единый «рецепт» совершенствования агротехники.

Не будь хронологические рамки исследования французского историка ограничены XVIII в. и доведи он исследование хотя бы до середины века XX, его внимание, кто знает, мог бы привлечь ход «земледельческой революции» в сельском хозяйстве нашей страны. Развернувшаяся во второй половине 1930-х гг. кампания по насаждению «правильных» травопольных севооборотов совсем, конечно же, не была похожа на те процессы, что протекали в Европе за 100–150 лет до этого. Только вот

«грабли», на которые наступили «красные агрономы», оказались все теми же. Были, однако, среди экономистов-агров и те, кто противостоял одностороннему «агрономическому» взгляду на существо проблемы, предупреждал об опасностях, которые несут шаблонные рекомендации в области агрикультуры. Об одном из них, в поисках аргументов для обоснования своей позиции обратившемся к истории земледелия, наш рассказ.

* * *

В очерке, посвященном истории предпринятого В.Н. Шерстобоевым исследовательского проекта изучения аграрной истории Предбайкалья², нами было высказано предположение, что причиной, побудившей экономиста-агров «облачиться в тогу историка», могло стать благожелательное отношение к «исторической» части его диссертации на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук со стороны весьма авторитетных специалистов. В то время как сама работа на тему «Обоснование севооборотов в колхозах Иркутской области» в целом получила негативную оценку экспертной комиссии по растениеводству, которая не сочла возможным рекомендовать ВАК утвердить диссертанта в искомой им ученой степени³.

В упомянутом очерке сюжет с кандидатской диссертацией, не просто защита которой, а научная компетентность автора, была поставлена под сомнение экспертами ВАК, играл скромную роль связующего звена между «доисторическим» и «историческим» этапами интеллектуальной биографии нашего героя. Между тем, сюжет этот, конечно же, не с внешней, процедурной (а утверждение диссертации затянулось в итоге практически на пять лет), а содержательной стороны, в силу целого ряда причин заслуживает гораздо большего внимания. Во-первых, потому, что из-за его достаточно беглого изложения «историческая» часть работы оказалась искусственно оторванной от «экономической», хотя в результате работы над диссертацией «родился» не историк, а историк-экономист. Во-вторых, проблематика диссертации надолго станет местом встречи прошлого и настоящего, истории и современности в творчестве ученого. Окончательно расставить точки над «i» в этой, только на первый взгляд далекой от политико-идеологических баталий эпохи «проблеме севооборотов», В.Н. Шерстобоев решится уже в иной социально-политической обстановке (в той мере, в какой эта обстановка позволяла). И, в-третьих, сюжет с кандидатской диссертацией наносит новые штрихи на картину историко-идеологического и историко-научного контекста, в котором протекало творчество ученого.

Проблемы с утверждением В.Н. Шерстобоева в степени кандидата наук из-за «серьезных» недостатков, обнаруженных в содержании его диссертации экспертами ВАК, стали результатом научной позиции, за-

нятой исследователем и нашедшей отражение на его страницах работы. Позиция, которая фактически была расценена как противоречащая точке зрения официальной сельскохозяйственной науки на рассматриваемый в диссертации круг проблем. Позиция, которая характеризовалась последовательно историческим подходом к предмету исследования и которую нетрудно обнаружить в работе, невзирая на предпринятые автором усилия ее скрыть с помощью использования «правильно», в духе времени, звучащих формулировок.

Можно также утверждать, что именно эта позиция, а точнее, стремление укрепить ее, и толкнула ученого в «объятия» истории, привела к разработке им архивных материалов, освещающих возникновение и развитие земледелия в регионе, практически сразу же после защиты диссертации. Отнюдь не как к способу ухода от действительности, от решения актуальных вопросов «колхозного строительства» в «историзм», в чем будут настойчиво обвинять ученого «чиновники от науки» тех лет. Обращение к прошлому рассматривалось им не иначе как неотъемлемая часть работы в области экономики сельского хозяйства: прошлое мыслилось и хранилищем практического опыта и источником аргументов в защиту своего видения современных ее проблем, в том числе затронутых в кандидатском сочинении.

Рецензенты кандидатской диссертации, в качестве которых выступили профессора Иркутского университета экономико-географ и статистик К.Н. Миротворцев и почвовед И.В. Николаев, в силу своих профессиональных интересов наибольшее внимание уделили двум первым ее главам, содержащим краткую характеристику климата, почв, растительности региона и экскурсы в историю местного земледелия. Поддержав отстаиваемый В.Н. Шерстобоевым тезис о необходимости учета местных естественноисторических условий сельскохозяйственного производства и местного же агротехнического опыта для выработки правильной методики обоснования севооборотов, они точно подметили и по достоинству оценили оригинальность подхода диссертанта, не заметив, однако, тех опасностей, что скрывались за ним⁴.

На самое уязвимое место исследования безошибочно указал единственный среди рецензентов специалист-аграрий, кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий кафедрой растениеводства Иркутского сельскохозяйственного института и научный руководитель соискателя П.А. Яхтенфельд. В своем отзыве примерно за год до защиты диссертации он предупреждал, что «в работе почти не имеет отражения центральная идея восстановления и улучшения плодородия почвы, обуславливающая необходимость для социалистического земледелия введения именно травопольных севооборотов. Это положение автор имеет в виду, но оно у него тонет в числе многочисленных более мелких обоснований необходимости скорейшего введения севооборотов»⁵.

Замечание П.А. Яхтенфельда по сути возвращало диссертанта к действительности, обращая его внимание на ситуацию, сложившуюся в отечественной сельскохозяйственной науке и практике. Начиная с 1932 г., неоднократные постановления ЦК ВКП(б) и правительства требовали введения в колхозах и совхозах страны правильных севооборотов. На смену насаждению паропропашных севооборотов во второй половине 1930-х гг. пришла кампания по внедрению в качестве обязательной для всех хозяйств травопольной системы земледелия, разработанной и обоснованной «красным академиком» В.Р. Вильямсом. Научная полемика которого с оппонентами (Д.Н. Прянишников, Н.М. Тулайков и др.) трансформировалась в борьбу с «антитравопольщиками», объявленными «лжеучеными», «вредителями» и «врагами народа». Травопольный севооборот был объявлен единственной системой земледелия в социалистическом сельскохозяйственном производстве, и несогласие с этой, ставшей официальной, поддерживаемой партией и государством точкой зрения, грозило самыми непредсказуемыми последствиями.

Основанием для разработки травопольной системы земледелия послужили В.Р. Вильямсу выводы из изучения процесса почвообразования, согласно которым главным условием повышения плодородия является структура почвы, восстановление и поддержание которой возможно лишь посредством культуры многолетних трав при травопольной системе земледелия. Роль же конкретных экономических и географических (природных, климатических, рельефных) условий сельскохозяйственного производства при этом неизбежно уходила на задний план. Учет местных условий сводился едва ли не только к «тщательному выявлению опыта стахановцев, передовиков урожайности» и его внедрению в колхозное производство. Соответственно, долг ученых, не желающих плестись в «обозе науки», стремящихся «оказать действительную, а не словесную, помощь стахановцам сельского хозяйства» состоял не в изучении местных условий сельскохозяйственного производства, а в ускорении процесса перехода на местах на правильные травопольные севообороты⁶.

Перед учеными и практиками сельского хозяйства ставилась задача «уложить» переход к травопольным севооборотам в две пятилетки. «В капиталистических странах Западной Европы, введивших травополье, переход к травопольным севооборотам длился десятилетия и даже столетия; нигде почти он не был короче полустолетия. Плановому социалистическому хозяйству под силу сократить до одного десятилетия этот революционный процесс дальнейшей перестройки земледелия и растениеводства»⁷.

Яхтенфельд довольствовался теми изменениями в тексте работы, которые были произведены В.Н. Шерстобоевым после сделанных им замечаний, и сводились к величанию советской агрономии «агрономией травопольной системы земледелия», признанию травопольных севоо-

боротов «выражением высокой земледельческой культуры» и «уточнению» предмета исследования. Открывая соискателю путь к защите, год спустя он писал в отзыве: «Травопольная система земледелия получила всеобщее признание в нашей стране как единственно правильный путь дальнейшего развития социалистического земледелия. Предметом работы В.Н. Шерстобоева является конкретное приложение травопольной системы к условиям колхозов Иркутской области»⁸.

Экспертов ВАК, однако, подобные «косметические» изменения в столь принципиальном, едва ли не политическом, вопросе о травопольных севооборотах не ввели в заблуждение. Их упрек автору диссертации в игнорировании основной задачи построения рационального земледелия — определения путей и способов повышения плодородия почвы (заметим, почти дословно совпавший с упоминавшимся выше замечанием научного руководителя), можно рассматривать как звучащий едва ли не обвинением в принадлежности к числу «антитравопольщиков»⁹.

Судя по всему, В.Н. Шерстобоев хорошо понимал истинную природу этой и других претензий, возникших у членов экспертной комиссии к его диссертации, не сомневался в приверженности последних точке зрения победителей в этом отнюдь не научном противостоянии. Именно так можно понять слова, которыми он завершил свои контрзамечания на претензии экспертной комиссии по растениеводству, датированные 15 февраля 1948 г.¹⁰: «Рассмотрение мотивировок Экспертной комиссии показывает, что они не дают оснований для объективной оценки качества диссертации»¹¹. Фраза эта не столько подводила итог детальному, с отсылкой к конкретным страницам диссертации, разбору претензий экспертов, сколько констатировала наличие принципиальных разногласий. Разногласий, ставших, в конечном итоге, причиной предвзятых оценок¹² проделанной исследователем работы.

Тем интереснее разглядеть за ярлыком «антитравопольщика» истинную позицию В.Н. Шерстобоева, которая была куда более взвешенной и далекой от крайних точек зрения в этом противостоянии, как, впрочем, и от самого этого противостояния, поскольку была позицией не почвовед-агронома, а экономиста.

Рационально построенное земледелие опирается, на его взгляд, на научно обоснованное чередование культур и использование системы агротехнических приемов, которые дополняют и усиливают друг друга. Причем, «ни правильно построенное чередование культур без соответствующей агротехники, ни агротехника при неправильном чередовании не обеспечивают поднятия урожайности»¹³. Но главное, «заблуждением» называл ученый рассмотрение проблем правильного чередования культур или построения правильного севооборота исключительно с агрономической стороны. Как это делали, заметим, сторонники будь то паропропашной или травопольной системы, забывавшие, во-первых,

что «результат, т.е. урожай связан с решением экономических задач», и, во-вторых, что «многие случаи агротехнически допустимых и даже хороших чередований растений могут оказаться неприемлемыми экономически»¹⁴. Поэтому, делает вывод В.Н. Шерстобоев, выбор того или иного севооборота определяется не только и не столько агрономией (различные схемы чередования культур могут оказаться и равноценными с агрономической точки зрения), сколько экономикой.

За критикой экспертов ВАК, обвинявших ученого в отождествлении севооборотов с системами земледелия, скрывалось неприятие последователем историко-экономического подхода автора к анализу последних. Полагая системы земледелия порождением определенной экономической и географической обстановки, он исторически подходил и к «конкретным выражениям господствующих систем земледелия», т.е. к севооборотам. Отнюдь не новаторство отдельных хозяйств, открытие какого-нибудь агронома, пропаганда или законодательство, по мнению ученого, меняют системы полеводства. Системы земледелия и обусловленные ими севообороты меняются вслед за переменами в экономике. Именно трансформирующиеся экономические условия, в которых действуют хозяйства, создающие на определенном этапе возможности для развития товарного земледелия и животноводства, и обуславливают появление многопольных севооборотов¹⁵.

Обращение к архивным материалам, освещающим возникновение и развитие земледелия в Предбайкалье, лишь подтвердило справедливость подобных взглядов ученого. В первом томе «Илимской пашни», уже сданном в местное издательство к моменту знакомства с заключением экспертной комиссии, в главе, посвященной системам земледелия, он подчеркивал, что «порядок использования земель не является произвольным, не приходит извне, а складывается закономерно». В природных условиях региона, при сложившемся в рассматриваемый период истории уровне земледельческой техники и характере общественных поземельных отношений, наиболее рациональной оказалась двухпольная система земледелия с «начатками трехпольного чередования на отдельных участках». В рамках которой крестьяне решали свои агрономические задачи, складывалась местная агротехника, и которая продемонстрировала свою устойчивость на протяжении полутора столетий¹⁶.

Двухпольное членение пашни оказалось крайне удобным и для перестройки посевов, произведенной крестьянами под влиянием упразднения системы хлебного обложения, выступавшего долгое время препятствием для развития рынка хлеба, и введения денежного, к тому же постоянно возрастающего, подушного обложения. Под воздействием рыночного спроса, подчеркивал исследователь уже во втором томе своего труда, осваивая агротехнические приемы производства наиболее экономически выгодных хлебов, крестьяне в XVIII в. стали («присматриваясь к рыноч-

ным ценам и взвешивая урожайность») пересматривать набор культур в севообороте, менять структуру посевов, осуществлять переход к более сложному расчленению пашни — к трехпольному севообороту¹⁷.

Именно на страницах «Илимской пашни», посвященных соотношению между культурами в посевной площади или структурам посевов, которые и характеризуют способ использования пашни, т.е. севооборот, современность «врывалась» в историю, демонстрируя забвение исторического опыта, заложившего основы местной агрикультуры. «Поразительным явлением» назвал ученый, например, значительное, практически катастрофическое снижение доли озимых культур в структуре посевов в северных районах современной ему Иркутской области. Был, на его взгляд, фактически перейден рубеж, допускаемый культурным земледелием: «при таком низком удельном весе озимых нельзя построить хороших севооборотов и переходных схем к ним»¹⁸.

Этому «поразительному явлению» Шерстобоев посвятит даже специальную статью, опубликованную в «Известиях Иркутского сельскохозяйственного института» и адресованную уже специалистам в области сельского хозяйства. Ссылаясь на архивные данные, свидетельствующие о том, что культура озимой ржи была в северных районах области «первоначальной культурой русского земледелия», он назвал ошибочным вытеснение ее посевов и замещение яровой пшеницей вследствие противопоставления этих культур на основе их урожайности. Крайне низкая доля озимых в структуре посевов, на его взгляд, не позволяет строить правильные севообороты, поскольку «не дает возможности включать в севооборот звено пар — озимь, являющееся исходным чередованием в правильно построенных севооборотах»¹⁹, со всеми вытекающими отсюда последствиями для экономики хозяйств (например, не позволяя рационально использовать трудовые и тягловые ресурсы). На данную статью ученый будет ссылаться в своих замечаниях на решение экспертной комиссии, убеждая, что «недопустимые», на взгляд экспертов, смешанные зерновые поля «озимая рожь — яровая пшеница» в севообороте являются неизбежной реальностью в северных районах с недостаточными посевами озимых: «иного решения для многих колхозов этих районов предложить нельзя»²⁰.

Уже после опубликования в 1957 г. второго тома «Илимской пашни», в изменившейся политико-идеологической обстановке, В.Н. Шерстобоев вернется к проблеме севооборотов, опираясь на результаты своих исторических разысканий, расставит точки над «i» в проблеме заставившей к ним обратиться. В своей статье, увидевшей свет в «Трудах Восточно-Сибирского филиала АН СССР» и вряд ли привлечшей в силу этого внимание историков, он предпринял попытку «пересмотра старого наследия» с позиций современного земледелия. Поставив задачу «установить, какие элементы уже преодоленных систем поле-

водства следует отбросить, а какие — сохранить и развить в условиях социалистического хозяйства»²¹.

Эволюция «местных систем полевого хозяйства» обусловила, с точки зрения ученого, основные этапы в истории сельского хозяйства Предбайкалья, в общем и целом соответствующие трем социально-экономическим укладам. На первом из этих этапов, как уже было отмечено выше, утвердилась в регионе система полеводства в виде двуполья; экономические перемены конца XVIII в. (и связанные, напомним, с появлением товарного земледелия) обозначили начало второго этапа и привели к появлению чередований пашни, типичных для трехполья, хотя и не вытеснивших окончательно двупольного чередования. Революция, как и последовавшая вслед за ней коллективизация деревни, «не внесла вначале никаких изменений в систему сибирского земледелия. Структура укрупненных посевов колхозов являлась копией структуры посевов единоличного хозяйства»²². Поэтому, начало третьему этапу было фактически положено в начале 1930-х гг. поиском более прогрессивных форм использования пашни.

Внедрявшиеся поначалу паропропашные севообороты на деле ограничились рамками паровой системы полеводства — сдвоенным трехпольем или комбинацией двуполья и трехполья. Потому, лишь внедрение травопольной системы земледелия, на что было потрачено немало труда и средств, сулило прорыв в деле модернизации сельского хозяйства, перехода к современной агрикультуре. Однако на пути внедрения травопольных севооборотов встала непреодолимая преграда в лице экономики, а точнее, в лице основного преимущества социалистической системы хозяйства — планового начала. В условиях централизованного планирования посевных площадей в колхозах и совхозах оказалось, по мнению В.Н. Шерстобоева, «практически невозможным согласовать потребность страны и отдельных ее районов в продуктах сельского хозяйства с жесткими рамками проектирования посевов в травопольных севооборотах»²³.

В новых общественно-политических реалиях, накануне оттепели, «крамола», звучащая со страниц публикации в солидном научном издании, всего лишь заставила его редактора сопроводить статью примечанием о том, что она печатается «в порядке обсуждения». Хотя десятилетием ранее приверженность «теории» о резком несоответствии между плановым посевным заданием, установленным государством, партией и правительством, и тем, что предусматривается по севообороту, еще клеймилась как измена делу социализма, вылазка вредителей, врагов народа.

К числу «крамольных» можно отнести и вторую, названную ученым, причину провала с внедрением травопольных севооборотов — шаблонность рекомендаций в области агротехники, которые не учитывают

особенностей возделывания сельскохозяйственных культур в конкретных условиях. О пагубных последствиях установления обязательных для всех стандартных агроправил писал он еще в своей диссертации: «В разработке севооборота нельзя ни на минуту упускать из вида совершенную конкретность, индивидуальность расчетов и мероприятий, предусматриваемых исключительно для данного хозяйства и пригодных только для него. Шаблон приведет к дискредитированию работы по введению севооборотов»²⁴.

Шаблонность, по мнению В.Н. Шерстобоева, проявилась и в стремлении вводить однотипные севообороты и рекомендовать их примерные схемы. «При этом, конечно, недооценивались качественные особенности экономики и природы сельскохозяйственных районов, т.е. основа всякого земледельческого производства»²⁵. Здесь можно усмотреть критику и собственных построений таких схем²⁶, которые, однако, выгодно отличались именно попытками противопоставить возможность «построить очень большое число вариантов, выбирая наилучший из них для данного хозяйства»²⁷, директивному навязыванию одного, не имеющего альтернативы. Заметим, что стремление предложить варианты, дающие возможность построения планов использования земли, наиболее отвечающих многообразным требованиям, складывающимся в хозяйствах, стало еще одним пунктом расхождения между ним и экспертами ВАК, выразившими недоумение по поводу «бесчисленного количества различных схем севооборотов» и отсутствия анализа, демонстрирующего чем «одна схема лучше, а другая — хуже»²⁸.

Отказ от жестких севооборотных схем и допущение «необходимой степени свободы в чередовании полей» делал возможным использование в регионе севооборотов с паровым полем и с посевами многолетних трав, опыт построения которых был уже накоплен местным земледельцем и которые были равноценны с агрономической точки зрения севооборотам травопольной системы земледелия. Научно, в том числе исторически и экономически, обоснованное чередование культур должно было, на взгляд В.Н. Шерстобоева, дополняться и усиливаться использованием агротехнических приемов, дающих ощутимый эффект при возделывании сельскохозяйственных культур. Предполагалось, что их арсенал включит и достижения местной народной агротехники, ставшие известными также благодаря историческим разысканиям в области истории местного земледелия. «В разработке приемов земледелия нельзя целиком откинуть опыт прошлого. Ведь правильная оценка орографии местности и экспозиции склонов, использование паров под яровые культуры, повышенные нормы высева и т.п. уже вошли в обычный агрокомплекс колхозов и совхозов. И ничего нет странного в том, что приемы старинного земледелия связываются с новейшими факторами, помогающими быстрее построить культурные, высокоинтенсивные севообороты»²⁹.

Примечания

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 132.

² Майдачевский Д.Я. Историко-экономическое изучение Прибайкалья: история исследований и идей. Иркутск, 2006. С. 154–199.

³ Копия Протокола № 8 от 4 января 1946 г. заседания экспертной комиссии по растениеводству ВАК была направлена в адрес директора Омского сельскохозяйственного института. Однако Высшая аттестационная комиссия не отменила решение Ученого совета института, где 22 октября 1943 г. состоялась успешная защита диссертации, а лишь довела мнение экспертной комиссии и содержание рецензий до сведения его членов.

⁴ ГАИО. Ф. р-2683. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, 7.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Вильямс В.Р. Правильный севооборот социалистическому земледелию // Вильямс В.Р. Избранные сочинения. Т. 2. Травопольная система земледелия (1921–1939). М., 1950. С. 123–126.

⁷ Там же. С. 118.

⁸ ГАИО. Ф. р-2683. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

⁹ Там же. Д. 6. Л. 1.

¹⁰ Копии Протокола заседания экспертной комиссии по растениеводству и отзывы рецензентов были, по всей видимости, высланы для ознакомления Шерстобоеву из Омска в середине декабря 1947 г. одновременно с копией письма руководства вуза в ВАК с просьбой о высылке диплома кандидата наук, если не потребуются предоставления дополнительных материалов и документов. «Замечания...» Шерстобоева вполне могли быть одним из таких документов, подготовленных им для руководства вуза и членов Ученого совета.

¹¹ ГАИО. Ф. р-2683. Оп. 1. Д. 6. Л. 10об.

¹² Говорить о предвзятости позволяет, например, тот факт, что ряд замечаний стал результатом, мягко говоря, «вольного прочтения» текста его работы. Приведем один лишь пример, который наглядно проиллюстрирует это. Демонстрируя тесную связь систем земледелия с определенными социально-экономическими условиями (экономическими укладами) он писал: «Первая система земледелия — переложная, с ее примитивными севооборотами, появилась вероятно в начале развития рабовладельческого общества. Под давлением экономических причин она уступила господство паровой системе, зародившейся уже в древнем Риме» (Шерстобоев В.Н. Обоснование севооборотов в колхозах Иркутской области: дис. ... канд. сельскохозяйств. наук. Иркутск, 1943. С. 1). Четко сформулированная и не допускающая разночтений фраза была, однако, воспринята членами экспертной комиссии как «утверждение о господстве одной паровой системы земледелия в древнем Риме, тогда как там имели место и залежная система и подсеčno-огневая и плодосмен и господство не принадлежало паровой системе» (ГАИО. Ф. р-2683. Оп. 1. Д. 6. Л. 1). И эта «ошибочная формулировка» при изложении истории земледелия, выявленная экспертами, призвана была продемонстрировать «неподготовленность и слабую эрудированность автора».

¹³ Шерстобоев В.Н. Обоснование севооборотов в колхозах Иркутской области. Иркутск, 1942. С. 31. Цитируемая книга В.Н. Шерстобоева, увидевшая свет за год до защиты им диссертации, была положена в основу изложения методики обоснования севооборотов, т.е. третьей главы диссертации.

¹⁴ Там же. С. 31–32.

¹⁵ Шерстобоев В.Н. Обоснование севооборотов в колхозах Иркутской области: дис. ... канд. сельскохозяйств. наук. Иркутск, 1943. С. 1–4.

¹⁶ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 306–308.

¹⁷ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 2. Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Иркутск, 1957. С. 215–221.

¹⁸ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. С. 332.

¹⁹ Шерстобоев В.Н. О посевных площадях озимой ржи в северных районах Иркутской области // Известия Иркутского сельскохозяйственного института. 1947. Вып. 5. С. 176. В этом утверждении, как и в борьбе за сохранение и усиление роли озимых в структуре посевов в целом, можно увидеть еще один пункт противостояния Шерстобоева «учению о травопольной системе земледелия», крайне отрицательно относившегося к культуре озимых хлебов.

²⁰ ГАИО. Ф. р-2683. Оп. 1. Д. 6. Л. 9 об.

²¹ Шерстобоев В.Н. Системы полеводства в Иркутской области // Труды Восточно-Сибирского филиала АН СССР. Сер. экономико-географическая. Вып. 29. Материалы по экономике сельского хозяйства Иркутской области. Иркутск, 1959. С. 47.

²² Там же. С. 51.

²³ Там же.

²⁴ Шерстобоев В.Н. Обоснование севооборотов в колхозах Иркутской области. Иркутск, 1942. С. 72.

²⁵ Шерстобоев В.Н. Системы полеводства в Иркутской области. С. 52.

²⁶ Здесь имеется в виду не только соответствующая глава его диссертации, озаглавленная «Построение схем севооборотов», но и подготовленные, по всей видимости, не без его участия «Указания по введению и освоению севооборотов в колхозах Иркутской области» (Иркутск, 1941).

²⁷ Шерстобоев В.Н. Обоснование севооборотов в колхозах Иркутской области. Иркутск, 1942. С. 47.

²⁸ ГАИО. Ф.р-2683. Оп. 1. Д. 3. Л. 23–23об.

²⁹ Шерстобоев В.Н. Системы полеводства в Иркутской области. С. 54.